

УДК 376.1-056.26(470.344)

**СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ ШКОЛ-ИНТЕРНАТОВ
ДЛЯ СЛЕПЫХ И ГЛУХОНЕМЫХ ДЕТЕЙ В ЧУВАШСКОЙ АССР**

**CREATION OF THE FIRST BOARDING SCHOOLS
FOR BLIND AND DEAF CHILDREN IN THE CHUVASH ASSR**

А. Е. Дмитриев, Е. К. Минеева

A. E. Dmitriyev, E. K. Mineeva

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования процесса формирования первых специальных школ для слепых и глухонемых детей в Чувашской АССР, рассмотрены причины и предпосылки их создания, а также проанализированы трудности на первом этапе работы.

Abstract. The article presents the results of the research on the formation of the first special schools for blind and deaf children in the Chuvash ASSR, reveals the reasons and preconditions for their creation, analyzes the difficulties on the first stage.

Ключевые слова: *дефективность, школа-интернат, дети-инвалиды, органы опеки.*

Keywords: *defectiveness, boarding school, children with disabilities, children guardianship.*

Актуальность исследуемой проблемы. Одним из наиболее важных направлений работы советской власти в сфере народного образования являлась забота о дефективных детях. В эту категорию попадали беспризорники, дети-инвалиды (как правило, слабослышащие, слабовидящие и умственно отсталые) и трудновоспитуемые. Первые и последние классифицировались в ранних педагогических трудах как «морально дефективные» [12, 12]. В последующие годы данное определение практически не употребляется, так как беспризорные дети, по большому счету, являются не «аномальными», а лишь в силу ряда причин вынужденными жить без опеки взрослых. Таким образом, в документах Народного комиссариата просвещения, Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и прочих ведомств, работа которых была связана с улучшением жизни детей, под дефективными понимались дети, имевшие какие-либо физические недостатки.

К сожалению, о деятельности специальных школ для детей-инвалидов в 1920–1930-е гг. в Чувашии известно очень мало. В статье мы ставим цель охарактеризовать процесс создания первых подобных учреждений. Насколько они были необходимы? Когда они начали свою работу? Какие трудности при открытии они испытывали? Эти и другие вопросы были рассмотрены в ходе исследования.

Материал и методика исследований. В силу малой изученности проблемы основным источником информации являются документы, содержащиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР). Основная информация по про-

блеме содержится в документах таких учреждений, как Народный комиссариат просвещения Чувашской АССР [1] и Детская комиссия по улучшению жизни детей [2], [3]. Отдельные сведения, связанные с воспитанием детей-инвалидов, встречаются в документах детских домов и школ-коммун ЧАССР. Путем анализа и систематизации полученных данных делались выводы о работе школ для слепых и глухонемых.

Результаты исследований и их обсуждение. Постановлением СНК от 10 декабря 1919 г. «О согласовании функций народных комиссариатов просвещения и здравоохранения в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей» [11, 362] были разграничены полномочия указанных в нормативном документе наркоматов по созданию и содержанию спецшкол. Так, нервные и психически больные дети получали опеку Наркомздрава, а умственно отсталые и «телеснодефективные» – Наркомпроса. Педагогическую работу данных учреждений предстояло обсудить на съездах деятелей по борьбе с детской дефективностью в 1920 (Первый съезд) и 1923 гг. (Второй съезд) [10, 175]. Было решено реализовывать в специальных учреждениях программу массовой школы I степени, принципы единой трудовой школы. Устанавливалась главная задача обучения – приблизить ребят к общественно полезной трудовой деятельности.

В связи с необходимостью скорейшего построения сети спецучреждений и в целях разъяснения необходимости воспитания и обучения дефективных детей СНК СССР издал постановления от 23 ноября 1926 г. «Об учреждениях для глухонемых, слепых и умственно отсталых детей и подростков» и от 9 августа 1927 г. «О мероприятиях для усиления работы по воспитанию и обучению умственно отсталых, глухонемых и слепых детей и подростков» [11, 362]. В них были определены типы учреждений для аномальных детей: детские дома для детей дошкольного и школьного возраста, школы с профессионально-техническим уклоном для живущих и приходящих подростков, школы для живущих и приходящих смешанного возрастного типа и вспомогательные группы для умственно отсталых детей при общеобразовательных школах. Помимо этого, местным исполнительным комитетам вменялось в обязанность уделять усиленное внимание указанным интернатам и школам. Здесь же закреплялись принципы трудового обучения дефективных детей через практическую деятельность на заводах и фабриках. Таким образом, с середины 1920-х гг. начинается активная работа по обучению и воспитанию слепых, глухонемых и умственно отсталых детей, а также по ликвидации безграмотности среди них.

Перепись 1926 г. выявила по Чувашии 242 глухонемых ребенка в возрасте до 14 лет [6, 1]. Такое количество детей не могло вместить ни одно учреждение республики. Так, например, самое крупное детское учреждение ЧАССР – Цивильский детский городок им. В. И. Ленина – в том же 1926 г. содержал 177 ребят [1].

Единственно возможным вариантом благоустроить жизнь дефективных детей было направление их в Вятскую школу слепых и Вятскую школу глухонемых. Помимо этого, спецшколы имелись в Казани и Нижнем Новгороде, но забронированных мест для детей из Чувашии в них не было [5, 34]. К сожалению, в полном объеме принимать воспитанников из Чувашии вятские школы не могли. Ежегодно на обучение туда поступали лишь несколько человек (3 ребенка в 1926 г., 4 – в 1927 г.) [4, 59]. С каждым годом количество запросов от родителей, опекунов и детских домов на обучение таких ребят росло. Однако Наркомпрос Чувашской АССР, как правило, вынужден был их отклонять, ссылаясь на то, что в республике специальных учреждений как для дефективных, так и для трудновоспитуемых детей не существовало.

В августе 1929 г. отдел социального воспитания отправил запрос в Наркомат просвещения Татарской АССР, в котором просил выделить в 1929/30 учебном году 2 места в школе глухонемых г. Казани. Подобное письмо было направлено и в Казанскую школу слепых, которая дала согласие на прием 10 детей из ЧАССР. В связи с этим в течение августа – сентября 1929 г. проводилась работа по сбору анкет слепых. В результате было подготовлено 10 кандидатов для отправки на обучение. Однако 19 сентября 1929 г. в Наркомпрос ЧАССР пришло срочное письмо из Казани о том, что согласно постановлению Татнаркомпроса слепые дети из других районов в школу приниматься не будут. Причиной тому стал неразрешенный вопрос о стипендиях на содержание ребят из Чувашии в Казанской школе слепых. Татарская АССР не намеревалась включать эту статью расходов в свой бюджет [5, 163]. Таким образом, детей и лиц, их сопровождавших, пришлось распустить по домам. В это же время Наркомат просвещения ЧАССР опоздал с запросом на бронирование мест в Вятской школе глухонемых, в результате чего вместо троих детей туда отправились учиться двое.

События сентября 1929 г. показали острую необходимость создания учреждений для содержания слепых и глухонемых детей в самой Чувашии. В то же время работа по организации мастерских при школах и детских домах требовала значительных финансовых вложений, поэтому открытие новой специализированной детской школы на данном этапе не представлялось возможным. Кроме того, приоритетным направлением в сфере народного образования вплоть до конца 1920-х гг. было изъятие беспризорников с улиц и размещение их в детских домах. Только к 1928 г. рост беспризорности был остановлен, и статьи о детях улицы исчезли со страниц советских газет, что дало возможность заняться другими проблемами [9, 101].

В 1931 г. Наркомпрос Чувашской АССР провел перепись детей в возрасте от 6 до 14 лет. Мероприятие проводилось в целях выявления численности детей, в том числе и инвалидов, нуждавшихся в образовании, одежде и обуви. По данным переписи, в 1931 г. в Чувашии проживало 334 слепых, 261 глухой и 457 глухонемых детей, которые либо не получали образования вовсе, либо обучались на дому родителями, либо посещали школы, где в силу своих недугов не могли получать качественное образование [7, 2].

Подобная статистика заставила Наркомпрос совместно с Чувашским отделением Деткомиссии экстренно выделить средства на создание первой в республике школы для дефективных детей. С 1 октября 1931 г. началась работа по поиску помещения и оборудования для будущего учреждения [6, 1]. В идеале школа должна была располагаться в промышленном центре, дабы наладить производственное обучение воспитанников. Кроме того, само значение школы-интерната как первой республиканской требовало, чтобы она была открыта в столице республики. Однако жилищный кризис в Чебоксарах заставил перенести учреждение в район. Было найдено полуразрушенное, требовавшее перестройки и капитального ремонта помещение в с. Ишлей-Покровском.

С 20 октября по 1 декабря 1931 г. производился ремонт здания и шла подготовка к открытию школы [6, 3]. По плану учреждение должно было принять от 30 до 40 детей. В это же время Наркомпрос ЧАССР, озаботившись проблемой подготовки специальных кадров, отправил на обучение 3-х человек в Казанский институт и 2-х – в Нижегородскую школу для глухонемых, чтобы в интернате к его открытию уже было 5 сурдопедагогов.

1 декабря 1931 г. состоялось открытие первой республиканской школы-интерната для глухонемых детей. Ее воспитанниками стал 21 ребенок, из них 15 – чувашей, 6 – русских (две соответствующие учебные языковые группы), 15 мальчиков и 6 девочек [6, 1].

Им предоставлялись бесплатное обучение и полный интернат. Бюджет школы на учебный год составил 51250 руб., из них на ремонт помещения ушла основная часть денег – 3667 руб. [8, 40].

В этом же году была открыта школа для слепых подростков в г. Ядрине. Первоначально она планировалась на 50 детей, что требовало 49714 руб. Но недостаточное финансирование привело к сокращению мест до 20 при бюджете 22712 руб. [8, 40].

Уже в первый год своего функционирования данные учреждения столкнулись с рядом серьезных трудностей. Так, Чебоксарская школа-интернат, которая на самом деле находилась не в столице, как можно судить по названию, а в Чебоксарском районе автономной республики, была удалена от промышленных центров, что негативно сказывалось на налаживании производственного обучения. Более того, она находилась вдалеке от крупных дорожных трактов, что затрудняло не только доставку детей в школу, но и подвоз оборудования, а также продуктов питания. Отдельной проблемой являлось состояние помещений обеих школ, которые, несмотря на ремонт, были слабо приспособлены к школьным занятиям, особенно учитывая контингент воспитанников.

Школа глухонемых не имела крупного земельного участка, что не позволяло ей наладить опытное сельскохозяйственное обучение, отсутствовала и возможность в достаточной степени получать дополнительные продукты питания со своего огорода. Не получалось выделить оборудование и отдельное помещение под мастерскую. Воспитанникам приходилось приобщаться к труду на единственном токарном станке.

Местные районные учреждения – райисполком, районный отдел народного образования и сельсоветы – не оказывали школам практически никакого содействия, не отвечали на их запросы и прошения. Одной из главных проблем стал вопрос комплектования школ. Первыми учениками являлись воспитанники детских домов: Цивильского, Ядринского, Алатырского. Многие дети, нуждавшиеся в специальном образовании, находились в своих семьях, где не могли в полной мере учиться и получать профессиональные навыки. Несмотря на оповещение населения об открытии школ, проведенное с октября по декабрь 1931 г. [6, 3], родители не спешили отдавать своих детей на обучение. Наркомату просвещения неоднократно приходилось рассылать запросы в районные учреждения с целью выявить желающих для поступления в школы-интернаты.

Не менее остро стояла и проблема кадров. Разумеется, краткосрочные курсы сурдопедагогов не могли подготовить полноценных воспитателей. Работа со слепыми и глухонемыми детьми требовала особых навыков, опыта, поэтому в первые годы после открытия особых успехов в воспитательной и образовательной деятельности школ не было.

Содержание специальных школ-интернатов было делом очень затратным, даже по сравнению с детскими домами. Так, в Ядринской школе для слепых подростков, где воспитывалось 20 детей, работали 15 человек персонала: заведующий, 2 педагога, 3 воспитателя, фельдшер, заведующий хозяйством и обслуживающий персонал (повара, прачки) [8, 40]. И это неудивительно, если брать во внимание несамостоятельность воспитанников. Тем не менее, отчисления на заработную плату работников школ сказывались на бюджете Наркомпроса Чувашской Республики.

К сожалению, в ЧАССР процесс создания специальных школ начался позже, чем в других регионах. Заботясь об обучении аномальных детей, советская власть еще в начале 1920-х гг. начала работу по воспитанию и обучению детей-инвалидов. К 1927 г. в стране уже насчитывалось 123 школы для детей с дефектами умственного и физического развития [10, 175]. В Чувашии же первые подобные учреждения появились лишь в 1931–

1932 г. Несмотря на это, открытие школ для слепых и глухонемых наконец-то предоставило возможность наладить обучение дефективных детей в самой автономии. Педагогическое сотрудничество с Вятской школой слепых, Нижегородскими и Казанскими учреждениями позволяло перенимать опыт в деле воспитания детей-инвалидов.

Резюме. Исходя из изученного материала, следует отметить, что разница между детскими домами и спецшколами в части организации была невелика: те же трудности с поиском помещения, кадров, проблемы финансирования, закупки оборудования. Положительно можно оценить стремление органов власти приобщить неполноценно развитых детей к производственному обучению. Принципы единой трудовой школы в полной мере соблюдались и для них – это работа в мастерских и на сельскохозяйственных площадках.

Разумеется, двух школ, в которых в первые годы обучались в среднем 40 человек, было недостаточно. Не была налажена работа с дефективными подростками, так как в специальные школы (как Чувашии, так и соседних регионов) не принимались дети старше 14 лет. Остаются вопросы: насколько успешной была деятельность данных учреждений, каким образом проходило обучение воспитанников, открывались ли новые типы школ, например, для детей умственно отсталых или для более старших возрастных категорий. На эти и другие вопросы будут даны ответы в ходе дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР).* – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 1.
2. *ГИА ЧР.* – Ф. Р-221.
3. *ГИА ЧР.* – Ф. Р-466.
4. *ГИА ЧР.* – Ф. Р-221. – Оп. 1. – Д. 349.
5. *ГИА ЧР.* – Ф. Р-221. – Оп. 1. – Д. 592.
6. *ГИА ЧР.* – Ф. Р-221. – Оп. 1. – Д. 716.
7. *ГИА ЧР.* – Ф. Р-221. – Оп. 1. – Д. 762.
8. *ГИА ЧР.* – Ф. Р-466. – Оп. 2. – Д. 43.
9. *Минеева, Е. К.* Пути преодоления детской беспризорности в Советской России в 1920–1930-е годы / Е. К. Минеева, В. А. Морозов, А. С. Янцева // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.* – 2012. – № 2 (74). Ч. 2. – С. 97–101.
10. *Народное образование в РСФСР* / под ред. М. П. Кашина и Е. М. Чехарина. – М. : Просвещение, 1970. – 352 с.
11. *Народное образование в СССР: общеобразовательная школа : сборник документов: 1917–1973* / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. – М. : Педагогика, 1974. – 560 с.
12. *Славко, А. А.* Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти / А. А. Славко. – М. : ИНИОН, 2005. – 231 с.